

В. А. Ильинский.

## Проблемы топонимики Коми области

(Отклик на статьи ИКС'а и ИГРЕК'а).

### Ст. I. Название рек.

В среде историков все чаще и чаще раздаются голоса о ревизии традиционной концепции истории б. России. Следует отметить позднейшие работы, заостряющие эту проблему ревизии: проф. И. М. Катаева „К вопросу о культурном состоянии населения Приокского бассейна в VII—XIII в. в. в связи с проблемой об „особом начале“ для „Великорусской истории“<sup>(1)</sup>); проф. А. Е. Преснякова „Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы“<sup>(2)</sup> и Е. Н. Быковского „К вопросу о трех древнейших центрах Руси“<sup>(3)</sup>). Наконец, по вполне понятным побуждениям, эти общие темы локализуются в местных исследовательских студиях напр. у коми. Из числа последних укажем, к примеру, критическую часть статьи Икс'а „Очень близкая задача (к вниманию наших краеведов-лингвистов)“<sup>(4)</sup>). Автор смущен тем, что методами ортодоксальной финоугристики не объяснить ряда местных названий напр. Но-шуль, Шой-на-ты<sup>(5)</sup>).

Не анализируя их специально в предстоящей работе, отметим, что эти наименования могут быть введены в общую схему яфетидологической интерпретации материала (учтите — Но-шуль, Шой-на-ты).

Цель настоящей заметки иная — выявить некоторые организационные моменты краеведческой работы по топонимике Коми края, в связи с топонимикой севера Европейской части РСФСР, продемонстрировать метод работы и заострить внимание коми краеведов на яфетидологию; подчеркнуть, что с историками и археологами у лингвистов, сторонников яфетидологического метода, могут быть самые интимные встречи, взаимно оплодотворяющие специальные изыскания

и, наконец, выявить яфетическую природу некоторых групп названий рек указанных районов, критически рассмотрев ранее предложенные этимологии.

Коми читатели имеют уже некоторое, хотя далеко не полное, псевдомнение об яфетической теории<sup>6</sup>); литература предмета доступна<sup>7</sup>), поэтому я не буду устанавливать общих тезисов.

Топонимистический материал имеет особую методологическую ценность при увязке лингвистических работ с историей жизни человечества, в том числе, понятно, и с историей материальной культуры, так как топонимика—постоянно раскрытая книга истории человечества, в которую каждое племя, каждый народ, вернее каждый господствующий в данное время класс (учтите С.-Петербург—Петербург—Петроград—Ленинград) наносит этапы путей своей жизни, или, как говорит акад. Н. Я. Марр: „Нет страны, где топонимистический материал не представлял бы состава из наслоений различных эпох, так даже в районах с цельным яфетическим населением. Попробуйте обойтись в Грузии одним грузинским языком, хотя в обоих его разрезах: древне-литературном и так называемом новом при толковании названий населенных пунктов, гор, озер, рек, и т. д., пусть лишь в тех частях, где казалось, кроме грузин никогда никого и не было на памяти самых древних исторических свидетельств. Осечетесь на третьем названии. А, в прочем, и на первом“<sup>8</sup>). Яркой иллюстрацией к этим словам может служить одна из кардинальнейших тем не только северо-востока РСФСР, но и северо-запада Сибири—проблема „Чуди“, которая в настоящее время решается далеко не так просто, как во времена Европеуса и, даже, И. Н. Смирнова. Теперь уже не возможно большинство местных названий, которые исследователи не могут объяснить, в силу тех или иных причин, из русского, угрофинских или других языков, приписывать этому мифическому народу<sup>9</sup>). Специальные археологические изыскания А. В. Шмидта<sup>10</sup>) пока что решили вопрос. Но для того, чтобы выводы автора—историка материальной культуры—стали убедительны для всех, должна быть проделана некоторая работа: во первых должна быть составлена карта всех мест, так или иначе связанных с проблемой „Чуди“ и, во-вторых, должна быть начата лингвистическая разработка хорографии.

Не нужно забывать, что в последние годы в языкознании произошла революция, подобная Октябрьской. Так быстро развивается яфетидология, так утончаются методы работы, поэтому в настоящее

время не представляется возможным в частности трактовать о переселениях народов или их расселениях в древности только потому, что в том или другом месте бытуют названия рек, гор, урочищ и т. д., аналогичные коми, удмуртским или словам ненцев. Подробные примеры—в дальнейшем.

Разработка данных хорографии может и должна представлять интерес не только для топонимиста, но и для специалиста по общему языкознанию, так как на севере, напр. мы имеем ряд таких названий, которые или с трудом поддаются объяснению из финно-угорских, русского и др. языков, или совершенно необъяснимы. Таковы, например, названия рек Ир-до-м (Вохомский район, Северо-Восточной области ср: Ир-ва (приток реки Мезени, р. Ир-ма (в б. Малмыжском у.) и др. Если первая часть Ир может быть объяснена без большой натяжки из коми *jir*, *jyr* глубокое место, 'омут', то вторая часть—дом—не может быть удовлетворительно объяснена, если не учесть возможностей палеонтологического анализа<sup>11)</sup>.

Нас обязывает, наконец, совершенно законное к лингвистам требование дать перевод и толкование т. н. „объяснительных частей“, сложных речных названий, тем более, что до настоящего времени мы имеем попытки объяснения некоторых названий совершенно ложные—из созвучия слов. К слову сказать, это созвучие также губительно в лингвистике, как вредительство в экономической жизни страны. Такие этимологии в настоящее время несколько гигантских шагов назад, но они, к сожалению, встречаются и у исследователей коми. Проф. А. Н. Грен<sup>12)</sup> название Шой-на-ты (а равно совершенно закономерно и Шуй-на-ты) переводит „озеро трупов“, тогда как здесь скрещение элементов и результат—слагаемых: „вода“ + „вода“ + „вода“. Незнание основ палеонтологии речи, слишком свободное обращение с данными языка часто приводит к нелепостям. Найриусенга<sup>13)</sup> название Москвы выводит из слов *mös kuä* и получает „место, где есть коровьи кожи“, (sic). В приведенных нами случаях (их можно набрать большое количество), совершенно ясна та же беспомощность, что у Рогова<sup>14)</sup>, который пытался объяснить название р. Кор-доз, как сложное из кор 'луб' и доз 'посуда', ссуммируя 'лубянная посуда' (!) так что против такого, по истине варварского, объяснения был, в свое время, вынужден протестовать проф. Н. И. Смирнов<sup>15)</sup>, или у Н. К. Чупина<sup>16)</sup>, объяснившего название р. Койвы ср.: Кай-ва; Кой-ва; суммой коми слов Кой 'брызгай' и ва 'вода'.

Ранее сказанного вполне достаточно для того, чтобы сделать необходимейшие выводы о срочности ревизии топонимистического материала, но заметим еще одно условие, научно-общественного характера, плототворности дальнейшей работы по краеведению в той или иной области.

Краеведы мало связаны взаимно. Они, в большинстве случаев, работают в узких рамках отдельных обществ. Особенно сильно и отрицательно ненормальность подобного положения и направления работы выявляется в области так называемых „гуманитарных“ наук. Само собой понятно, что в условиях развития социалистического строительства такой кустарный метод организации работы особенно не терпим. Одной из тем коллективной работы (хотя бы в порядке социалистического соревнования) ряда краеведческих организаций (напр. Общества изучения Коми края, Вятского Научно-исследовательского Института краеведения и исторического общества, кружка по изучению Северного края при Пермском Государственном Университете) и отдельных краеведов, может быть топонимика и, в частности, „Чудская“ проблема.

Еще одно замечание общего характера—в вопросе об удвоении и скращении элементов<sup>17)</sup> мы стоим всецело на платформе акад. Н. Я. Марра: „Альфа познания словарной палеонтологии, что в известный период, долгий период человеческой речи, удвоение служило средством для производства новых слов“<sup>18)</sup>. Таковы напр., остяцкое ю + ган ср. юракское ю + га ‘река’ где „га“ изводное из ган и мн. др,

В материальной части нашей заметки мы рассмотрим, пока-что, несколько групп наименований рек Коми области и попытаемся выявить их яфетическую природу. Еще раз подчеркиваем при этом, что сохранившиеся в определенных языках (русском, коми, вогульском, удмурдском) те или иные термины для обозначения воды и реки, а также их дериватов, мы рассматриваем как яфетические реликтовые отсылки, (напр. коми ва ‘вода’; русское во-да и др.)

1. Кур + ья—название многих небольших рек.

Прежде всего, вопрос о части кар в наименование рек севера должен быть предметом особого рассмотрения. До сих пор было, безусловно, принято предположение, что здесь мы имеем нечто иное, как перенесение на реку названия близь расположенного поселения (городка)<sup>19)</sup>. Но, возможно, что в ряде случаев, мы имеем совершенно параллельно и независимое друг от друга словотворчество.

Для доказательства нашего предположения достаточно вспомнить, во-первых, приводимое Алквистом северо-остяцкое, почему то называемое топонимистами, кар-~~т~~-ья. Можно напомнить, также, приводимые Далем<sup>20)</sup> русские кар-да-г (пермское) 'болотистое' место; кар-га (олонецкое) 'топкое' место в лесу. В таком случае объяснима вторая часть названия притока р. Вычегды—Лен-ка, что не объяснимо (без полнейшего произвола) при традиционном толковании—от женского имени Лены, изводного от Елены.

Что же касается—возвратимся несколько назад—части кар<sup>21)</sup> в словах, означающих 'городище'—напр. Вой-кар; Ур-кар, то не следует ли Кар в данном случае считать образованием, отличным от кар в ранее указанном значении, относящемся к 'реке' или, в самом крайнем случае, более далеким по схеме.

Вода < небо > город

Рука > камень?

Не имеем ли мы здесь яфетический эквивалент независимого образования, который следует сближать с эстон. кар-и паралл. кар-е кряж подводных 'камней', армянским кар-кар, куча 'каменной'<sup>22)</sup> <sup>23)</sup>.

Наименования рек: Кай; Ка-ма, изводное по нашему мнению, из кар-ма, ср. р. Карма в Сибири<sup>24)</sup> Камарья, Кал-ья (впадает в реку Водлу); Ко-ла, (в б. Пермской губернии); Кол-ва; Кол-ды, Ко-ся; Ко-кай; Кор-а (близ Холмогор); Кор-ма; Ко-м-ша (приток Важки) Ко-ма аналогична Ка-ме изводное из Ког-ша ср. закономерное Кол-ма; Кор-шур; известный уже читателю Кор-доз; Кой-ша (близ Холмогор) и мн. др. легко могут быть объяснены как яфетические реликтовые отношения. До сих пор в яфетических слоях русского, угрофинских языков и др. сохранились убедительные доказательства этому: таковы русские двух элементные кор-га; соответственно кар-га в значении 'взморье'; 'берег' (Байкала); кор-ба (Олонецкое) 'сырая низменность под ельником; им отвечают лонар. йо-кка 'ручей'; йо-ка 'река'; марийское кор-ым 'овраг';<sup>25)</sup> эстонск. ко-ск в значении во-1-ых) 'водопада' во-2-х) быстроты 'течения'; кол-к (род. пад. кол-га) морской 'залив'; русское (Архангельское) кор-е-ба мелкий 'дождь' свидетельствует о далее зашедшем процессе скрещивания, в то время как в эрзено-мордовском кал рыба<sup>26)</sup> и коми кой 'брызга'; кол-а 'болото' (в старых руслах рек) имеем одно—элементарность. Методологическое замечание: когда В е с к е<sup>27)</sup> выше указанное марийское слово кор-ым, а также кор-а-ш, а затем эстон кур-у 'угол';

узкий 'путь' между заборами, пытался не только формально—фонетически сблизить, что, как видим, фонетически допустимо, но и увязать идеологически говоря: „Все эти слова развились из одного первоначально кур или кор, кыр, которым финны старались изобразить известный глухой, дрожащий звук (шум), производимый водою, когда оно протекает через различные препятствия: по камням, по склону, с обрывистого берега, и при этом отмывает землю“—то нам ясно, что Веске сопоставляет слова, имеющие довольно далекое палеонтологическое родство, сопоставлять которые следует с большой осторожностью.

Доказав, что слова на кар, кор в данном случае означают воду, мы, в порядке разновидности, адекватных звуков, займемся словами на кур с его перерождением без изменения количества гур; падение сильного у в слабый ы дает нам параллельную линию кыр-гыр. Материальная сторона характеризуется эстонск. кур-а 'осадок'; кур-к 'бухта'; 'залив'; 'губа' морская; кур-м 'бухта'; суоми кур-и-му-с 'водоворот'; 'пучина'; русскими (пермское) кур-ья 1) длинный и узкий речной 'залив'; 2) рукав или проток 'реки', отделившейся от нее и впадающий потом в нее же; 3) старица: сюда относятся названия рек: кыр-ья т. н. Большая Кыр-ма; Шу-гар; а рек с названием кур-ья достаточно много для того, чтобы их перечислять.

II. Ю коми 'речка' и ја вогульское 'река' уже раз'яснены яфетидологией. Эти яфетические отношения очень распространены на севере: ср. карельское йо-ги в чередовании йо-ге 'река'; суоми йо-ки 'река'; лопарское йо-кк, йо-ка в чередовании йо-га: йу-хо 'река'; эрзя—мордовское йач-ке<sup>28</sup>) 'пруд'. Ср. названия рек Сар-ью; Рас-ю; Сой-ю. Учитывая их одноэлементность и элементарность мы не можем согласиться с Веске в анализе таких сложных слов, как лопарское йо-га в чередовании йо-кка; марийское йо-го 'течет'; остяцкое йо-ган 'река'; 'ручей' которые он не только считает односложными, но и восстанавливает к ним праформу йо-го. Га, ган, кка в этих случаях, между тем, не что иное, как второй творческий элемент: ср. кушвин.—самоедское ой-га 'река'; эстонск. йу-га 1) 'водопад'; 2) 'брод'; йу-н-ка 'ледяная сосулька'; ср. относящиеся к этим же родам, указанные акад. Н. Я. Марром, тунгуск. кан 'ручей'; корейское ган и т. п. В приводимых нами ранее сложных словах (напр. олонцкое кар-го 'топкое' место в лесу) часть га, перерождение из ган, а может быть и из гор, относится именно сюда.

Об эквивалентах в яфетических (в тесном смысле слова) язы-

ках см. акад. Н. Я. Марр „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом отношении их племенных названий“<sup>29</sup>).

III. Когда Веске<sup>30</sup>) в анализе слова сал-ма (карельское; русско-архангельское) ‘пролив’; ‘проран’ меж берега и острова или меж островов; (олонецкое) ‘залив’; ‘губа’, ссылается без поговорок, следовательно тем самым соглашаясь, на этимологию Доннера, утверждавшего, что сал-ма в чередовании сал-мы происходит от корня сал ‘узкий’; ‘длинный’, так, что сал ма есть узкое пространство ‘воды’ между островами или между островом и материком, то в настоящее время мы уже знаем, что как в слове сал-ма, так и в слове сал-ми намечены две части, эквивалентные в значении воды. Более того—ряд названий рек, приводимых нами в последующем, в сопоставлении с другими, самантически равнозначными словами, совершенно точно корреспондируют данному слову.

Мы уже знаем, что сал чередуется с сар, в падении дающим сай; сар в перерождении дает зар, падение которого зай. Это элементы яфетидологической техники. Материально сюда принадлежат: коми сар ‘море’; удмуртское сар—езь<sup>31</sup>) ‘море’; башкиро-мишар са-з ‘болото’; лопарское са-ме ‘болото’; остяцкое саа-п ‘ручей’; енисейско-остяцкое са-с с перерождением его за-с ‘река’; суоми сал-ми ‘пролив’; эстонское са-гар ‘туча’; ‘проливной дождь’; русское сал-о ‘шуга’; ‘ледяная кашлица’; сар-ма ‘речной’ порог; ‘мель’; ‘омут’ са-га ложбина серпом, вероятно от ‘старицы’ на плоских мысах степных речек, горбом к реке, в разлив заливаается; (иное объяснение: долгий песчаный мыс).

Отсюда название рек Сар-а; Сар-ка; Сар-ью; Сар-ма; Ин-сар-а; Са-вя; Са-вал-а; Зай; Зай-ью.

Связь звуковых соответствий по линии Сар достаточно велика и, как увидим в дальнейшем, при каждом переходе мы можем привести, как пример, несколько наименований рек—так богато яфетическое наследство на севере!

Сар в перебое сер с его разновидностью сир, дающей в падении сий; сер в падении дает сей; зар в перебое—зер, падение последнего—зей, с его разновидностью—зий.

Ср. коми зер ‘дождь’; удмуртское ки-зер ‘жидкий’.

Имеем названия рек: Сер-га; Сер-ва;—приток Лолога; Се-вер-а; Сей-ма; Зер-ва; Си-ва.

Сар в чередовании—сор; в перерождении сол; а в падении сой; сор при перерождении дает зор, а в падении последнего—зой.

Ср. удмуртское йӧ-зор 'град'; лопарское сӧ-в и его чередование сӧ-ва 'море'; суоми сол-а 'овраг'; 'лощина': остяцкое сӧр-ет, сӧр-от <sup>32)</sup> <sup>33)</sup> 'море'; русское (побережье Байкала) сор 'отмель' попросшая камышем и кугой, или с наносным хламом, дрязгом; (тобольско-томское) <sup>34)</sup> обширные 'поемы'; 'поймы'; эстонское сос 'болото'; сор-и-та 'течь'; 'журчать'; сой-дор открытое место во 'льду'.

Названия рек: Со-кур; Сор-дюр; Сор-а, приток Лима; Со-ва; Со-га; Сой-ва; Сой-ма; Сой-га; Соль-ва; Сол-я; Сол-да.

Сор адекватно сур, дающим в падении суй. Сур одновременно при перерождении дает сыр, чередующийся с съл. Ср. русское су-ша 'вода' и 'воды'; сулой (Архангельское) 'вода' <sup>35)</sup> суоми сул-а 'проталина'; эстонск. сул-г 'затопленный'; удмуртское су-ме-д 'ил'; русское сыр-ой и т. п.

Имеем названия рек: Сур-а; Сур-гу-м; остяцкое название р. Сӧ-до-м; <sup>36)</sup> Су-ма; Сю-ма; Сул-а, приток Мезени; Сур-га, приток р. Кол-ва; Сылва и т. п.

Мы проработали материал по линии свистящих, по линии шипящих—картина аналогична.

Ш а л чередуется с ш а р, чередующимся с ш о р, при падении дающем ш о й; ш о р адекватно ш у р, падение которого ш у й; ш а р при падении переходит в ш а й.

Имеем; коми шор <sup>37)</sup> ручей; 'река'; удмуртское ша-ры-ш 'капля'; шур 'река'; шур-вож 'устье'; шур-йыл 'исток'; мари шар-а-ш стоячая 'лужа'; шар-га капля воды; осадок 'влаги' <sup>38)</sup> на холодных стеклянных предметах; шор-ла-ма поло—'водье'; 'разлив'; шор-ла 'вода' разливается; шор <sup>39)</sup> — говорят о звуке весенней разливающейся 'воды'; шор-р <sup>40)</sup> — говорят о шуме от сильного 'дождя'; шур-га просачивается 'вода'; шу-быр, равно шо-быр—о звуке при прыгании в 'воду'; шу-выр, равно шо-выр—о звуке при падении в 'воду'; русское шар морской 'пролив'; <sup>41)</sup> шуга, <sup>42)</sup> шал-га.

Сюда принадлежат названия р.р. Шар-а; Шар-ю; Шар-да, приток реки Нижней Пинеги; Ир-ша; Ша-ча; К-ша; Шо-ша; Ша-га; Шор-е-га; К-ва-шур; Шур-ма; Кор-шур; Кор-о-шур; Кол-о-шур; Кар-шур; Шуй-ма; Шай-ма; Ыб-шор; Вой-шор; попутно, скорее как методологический пример, отметим относящиеся сюда р. Суры у Мари-шур. Следовательно—в русском языке мы встречаем свистящую ветвь сибилентной группы, а у Мари той же ветви—шипящую группу!



Наконец, сюда же относятся наименование оз. Шал-о, из которого течет р. Палуй, впадающая в р. Сясь и др.

При а в перебое е: коми шер 'град'.

Сал в под'еме дает тал, чередующийся с тар, в свою очередь чередующийся с тор, в падении той. Падение же тач-тай. Перебой тар-тер. Тор адекватно тур, падение которого туй. Тур чередуется с тул, падение которого—тыл.

Ср. вогульское та-гил и чередование его та-гул; остяцкое та-г-т 'приток реки'; <sup>43)</sup> суоми тул-ва 'прилив'; эстонск. тал в 'снег'; тел-л 'льдина'; тич-п родит тур-ва 'сыроватый'; тур-и 'залив'.

Имеем названия рек—Тал-а, Тал-та, Тар-у-са, Тар-а, приток Яренги; Той-ма, Той-я, Тар-га, То-ма-рас, Тер-а, Тер-са, Тер-ма, Туй-га, Туй-ва, Тур-ма, Тыл-а-вел, приток Кылтовы; оз. Тор и Тур.<sup>44)45)</sup>

IV. Вал чередуется с мал и чередуется с вар, в падении дающим вай, мар же в падении—май.

Имеем: коми ва 'вода' (ср. зер-ва дождевая 'вода'; ва-бер-га-ч 'водоворот'; ваа 'водный'; 'мокрый'; ва-мы-ны 'воденеть'; ва-д 'трясина'; удмуртское ю-мал 'пресный'; суоми вал-а 'мут'; вал-у-а 'течь'; вёр-г 'струя'; мёр-ко 'мокрый'; эстонск. мёр-г 'мокрый'; русское вал; вай-га 'русло' (ср. вай-га-ч); мар-но (тульское) 'пасмурно'.

Сюда относятся названия р.р. Вал-а <sup>46)</sup>—приток реки Кильмези; Валь-га; Вар-ю-га; Вар-зу-га; Вар ма; Вар-на-ва; Вай; Ва-га (название двух рек—первой в бассейне р. Сев. Двины; второй—в бассейне р. Енова); Ва-ка; Ва-ма; Ир-ва; Мил-ва; Малый Вал-ай, приток Безеровы; Вай-мо-га; Маль-ма, Юл-ма, приток Вишеры. Для связи можно указать несколько наименований р.р. средней полосы РСФСР: —Вар-я; Вар-гол; Вал-о-ва; Мал-о-ва. Последние, наверное, из Вал-ва; Мал-ва.

Вол чередуется с мол и с vor, чередующимся с мор. адекватным вур, чередующимся с мур. Вор в падении дает вой, чередующийся с мой, который адекватен вуй, чередующимся с муй.

Имеем: коми вор-га 'желоб'; 'углубление'; 'ложбинка'; <sup>47)</sup> войт- 'капля'; 'поток'; во-м 'устье'; водж 'запруда'; мол-ынь 'мокрота'; удмуртское ву 'вода'; 'жидкость'; 'сок'; ву-дур 'берег'; ву-мур 'омут'; мур 'глубокий'; мур-гу 'ров'; эстонское воо течение 'воды'; воо-г; 'течение'; воол-е 'волна'; воол (поэтическое) 'течение'; 'волна'; вол-а-ма 'течь'; русское вол-о-га 'влага'; 'вода'; 'жидкость'; мой-ка;

муль (ярославское) 'мутъ'; мутная 'вода'; мур-ья (архангельское) 'ямина'; сюда же относится и обще-русское во-да.

Топонимистические данные: названия р.р. Вол-ва (в верховьях Камы); Вол-да; Вол-ка; Воль-ка (близ с. Афанасьевского—Гидаева б. Омутинского у.); Воль—приток Вычегды; оз. Вол-до; Вор-ью; приток Вычегды; Во-я; Вой-ма; Вой-са, приток р. Вятки на правом берегу. Мол-а—приток р. Кубины; Мол-о-ша; Мол-ва; Мо-ша, приток р. Онеги; Мур-га; Мур-а; Му-ша; в б. Уржумском у. Этот список можно было еще, наконец, продолжить, привлекая материал средней полосы РСФСР. Ср.: Бор-а, в падает в Белозеро; две реки Вор-ья 1) приток р. Угры, 2) Клязьмы; три реки Вар-ша: первая—приток р. Клязьмы; вторая и третья в б. Елатомском у.; Вой-гол в б. Трубачевском у., в падающая в р. Посол, приток р. Десны; и р. Вол-га должна занять свое место в этом списке. С га наименованием следует сопоставить названия, почему-то обычно топонимистами не сопоставляемые, р.р. Волга, что в падает в р. Клязьму; Воль-га; Вол-ю-га.

Вел чередуется с мел; вил с мил и аналогично с вир, в свою очередь чередующимся с мир, последний с вер. Вер же с мер.

Иисем: коми ви-с 'ручей'; ви-зыл 'текучий'; 'быстрый'; удиуртское ви-зыл 'течение'; 'текучий'; пуж-мер замерзшая 'роса'; западно-русское вир 'омут'; 'водоворот'; суоми ве-си 'вода'; ме-ри 'море'; мордов-эрзенское ве-дъ 'вода'; ве-ре-к 'сырой'; эстонск. ве-си 'вода'; мери 'море'; ве-дедъ 'жидкий'; 'водянистый'; вир-да-ма кружиться о 'воде'.

Сюда относятся названия р.р. Вель—близ г. Вельска; Вель-суй—приток р. Вытегры; Вел-ва—приток Печоры; Виль-ва—1) приток Камы; 2) приток Чусовой; Мел; Мар-а—левый приток верхнего течения р. Вятки; Ме-ва приток Костромы.

В настоящей работе мы опускаем материал не только западноевропейский (ср. названия Ме-мель и др.), но, большей частью и Вредне-русской равнины—напр. Мер-и-на (пересекает границу б. б. полховского и Козельского у. у.); Ме-да; Мерская река; Мер-ла, сристок р. Ворсклы; Мер-на в б. Муенском у.

Пал в перерождении бал; пар в перерождении бар; пар в падении пай, в перерождении бай.

Материальная часть: русское пар; пар-о-сь (владимирское) мельчайший 'дождь'; русское и урдумртское бар-да 'уща'; (мезенское)

павна 'проток'; 'ручей'; (в болоте); па-воть параллельно па-воть-яе внезапное 'наводнение' от ливня; па-вол-на ср. вол-на круглое волнение (на 'воде') после бури; суоми п-то 'запруда'.

Названия рек Пал (две реки в б. Яранском у.); Пар-юг; Пар-ма; Бар-ма (в б. Глазовском у.); Ба-кур; Пал-ья — южный приток реки Печоры и др.

Пол, перерождаясь, дает бол, адекватное пул, перерождающиеся в бул; пор перерождается в бор, адекватное пур, которое перерождается в бур; пел перерождается в бел; пил—в бил; пер перерождается в бер, что в падении дает бей; пер в падении—пей; пор в падении пой, перерождающееся в бой, адекватное пуй, перерождающееся в буй; пер чередуется с пир, перерождается в бер, чередуется с бир.

Имеем: коми бөр-дö-м 'плач'; 'вой'; бөр-д-ны 'плакать'; удмуртское бөр-дон 'плач'; 'вой'; ву-бер-ган 'водоворот'; пор-те-т 'омут'; эстонск. пор-и-к 'болотистое' место; пар-су-ма 'размокать'; истлевать от сырости; ни-сар 'капля'; пир-с 'капелька'; пи-сар да-ма 'капать'; пул-л 'водяной' пузырь; суоми рог-ё (ср. в слове веса takko роге—водяной) 'пузырь'; рог-е-йя 'ледяная 'кора'; пор-е веси 'вода', стоящая поверх льда; пур-о-ру-чей; русское пой-ло (параллельно пой-во) 'питье'; пол-ый || пол-ой (вятское) струя разлитой по полу жидкости,—квасу, воды и т. п.; (северо-двинское) проталина во льду; пур-ить (псковское) точить 'жидкость' струей; биль (архангельское) чистое, голое, маховое 'болото'; бур-да-барда, бур-ва (камское) 'ямина'; колдобина, в которой есть незамерзающий ключь на дне; буль—звук при падении чегонибудь в 'воду'.

Сюда относятся названия рек: Пол-о-ма; По-ло-м-ка; Пол-о-м; Пол-а-ли-т; Поль-ва, приток Обвы; Пай, приток р. Геньвы; Пой-ма; Пер-га; Пу-я; Бол-ма; Бол-да; Вож-бол; Важ-бол; Сон-бол, приток Лозьвы; Тай-бал-а—названия многих рек в Сибири; Буй—близ гор. Буя; Би-я—близ г. Бийска; оз. Ле-нель.

## Примечания и литература к 1 части

1) Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете II вып. 88—106 с/в.

2) Яфетический сборник V т. 1—22 у. 7.

3) Труды Вятского Педагогического Института т. III вып. VI 1928 г.

4) Записки Общества Изучения Коми края 1 т. 101—44.

5) Все яфетические слова приводятся в делении на элементы. О элементах см. литературу, указанную в 7 примечании.

6) См. хотя бы А. С. Сидоров яфетическая теория и коми язык „Коми му“ 1926 № 10/43—74.

7) См. Марр Н. Я. 1) Яфетическая теория Баку 1928 г.

2) По этапам развития яфетической теории Москва. 1926 г. 3) Актуальны проблемы и очередные задачи яфетической теории Москва 1929; Мещанинов И. И. Введения в яфетидологию в 1929.

8) К вопросу о топонимике Крыма. „Известия Таврического Общества“ истории, археологии и этнографии 1927 г.

9) Таковы, напр., утверждения В. В. Комарова в статье „Северо-Двинский Край“ см. 1—35 ст. 6 сборника Северо-Двинская губ. В-Устюг; Верещагина „Очерки Алтая“ Новосибирск 1927 г. собств. стрр.: 22 сл.; В. М. Подорова „Что такое чудь и ее отношения к народу коми“. „Коми му“ 1928 № 9—10, 70—81 ст. 7.

10) О чуде и ее гибели. Записки Уральского Общества любителей естествознания 40 т. 2 вып. 49—53 ст. 6.

11) Акад. Н. Я. Марром коми „ва ‘вода’; ма в чуваш—двухсложных (А + В) шер + ма ‘река’ и в теторо-татар. у + мар большая ‘река’ уже раз’яснены, как яфетические. см. „К вопросу о названиях р. р. Сибири в освещении яфетической теории“. „Известия Академии Наук“. 1926 г. 352—3.

12) Археологическое и этнографическое путешествие по Вишеру и Нившеру. „Югыд туј“ 1927 № 102.

13) Зыряне, их язык, мифология и народная литература „Жизнь национальностей“ 1922 № 18, 2—4.

14) Материалы для описания быта пермяков. „Журнал министерства внутренних дел“ 1858 г.

15) Пермяки, 1891 г.

16) Географический и статистический словарь Пермской губернии т. 2 вып. 4, 1877 г. 64.

17) К сожалению, нет возможности в настоящей заметке познакомить читателя с яфетидологической техникой и словарем, поэтому статья будет несколько трудна. Отсылаем к литературе, указанной в 7 примечании.

18) Карфаген и Рим. Сообщения Государственной Академии Истории материальной культуры II т. 380.

19) Сидоров А. С. Памятники древности в пределах Коми края „Комі му“ 1924 № 4—6; 1926 № 6—7.

20) Хотя тождественность слов, а равно как и названий рек, текущих в далеке друг от друга (напр. Сур-а 1) река впадает в Волгу; другая — в Днепр; третья течет по б. Архангельской губ.; или р. Су-ма; или р. Той-ма) есть, в большинстве случаев, явное доказательство их принадлежности к яфетическим слоям, мы предполагаем, все же, пока что, отмечать указания Даля, где это возможно, на территорию бытования русских слов.

21) Другие, возможно далекие, горизонты раскрывает объяснения этого слова Н. Я. Марром (см. „Карфаген и Рим“ 394): конечно, когда речь о „строительстве“, то в первую очередь выступает ‘река’, имеющая космического двойника в ‘небе’, в части его ‘солнце’. И понимать ли термин ‘город’ в значении ‘построения’ (из ‘рука’) или ‘защитного места’, ‘покрова’ (из ‘небо’) или (по позднему восприятию) огороженного населенного места; ‘круга’, термин кар прослежен от финских пределов до передней Азии и пр.

22) По независящим от нас обстоятельствам, мы лишены возможности дать ряд параллелей из кавказских языков, так как русский алфавит, которым мы пользуемся, для удобства типографии, не отражает специфических кавказских звуков.

23) Более подробно по последнему вопросу писал акад. Н. Я. Марр. „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до истории“ Л., 1926 45—8 и сл.

24) Следов, можно не согласиться с анализом этого названия в предыдущей работе: он гораздо проще и яснее.

25) Марийское же кор-аш ‘чертить’; прорезывать’ оставляем вне рассмотрения, так как семантически эти понятия связаны с ‘ру-

кой', а комплекс 'рука'—'женщина'—'вода' в настоящем случае нашему анализу не подлежит.

26) Наше объяснение не противоречит указанию акад. Н. Я. Марра: см. „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до истории“ Л. 1926 см. 6.

27) „Славяно-финские культурные отношения по данным языка“ 28.

28) Зифельт-Симумеги („Uralo Altaica“) кн. 1 1928 г. 54 производит это слово праформы \*) иал + к — е и, по нашему мнению, совершенно напрасно. Читатели этой книги должны иметь с виду, что формальный анализ у автора очень невыдержан.

29) „Известия Академии Наук“ 1925 г. особ. ст. 695—6.

30) Цитир. работа, 57—8.

31) В настоящую заметку не вошли такие слова, как коми кур-ыд 'вино' (ср. кур-ыдва 'водка'); суоми сор-ва 'плотва'; лопарское кор-се 'иной'; русские сал-па 'тарань'; сар-ган (назв. рим.) и др. потому, что семантический род в нашем плане очень узок.

32) Инициатива сближения этого слова с урдумуртским зар-езь правда в другой перспективе, принадлежит М. А. Кастрену.

33) Приводимые остяцкие слова, мы, к сожалению, не могли дать в транскрипции.

34) В методологическом отношении не безинтересно отметить что Даль, желая быть осторожным, дает очень опасную этимологию первого слова сор, сближая его со словом сор в значении разного хлама и допускает и такую же ошибку, говоря о тобольско-томском: „кажется это иное слово—не остяцкое ли“?

35) В методологическом отношении слово сул-ой особенно интересно, как бытующее в одном и том же русском языке (если „язык“ понимать традиционно) и в значении целого 'вода' и его части 'рассол' (архангельское, новгородское); 'пак и соль'.

36) Ср. Ир-до-м.

37) О природе коми шор см. специальные указания (683 и др.) в работе акад. Марра „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий. „Известия Академии Наук“ 1925 г.

38) Включение этого слова, обычно выводимого из звукоподражания, имеет особое методологическое значение.

---

39) Точно такое же и данное слово, об'ясняемое из звукоподражания, есть яфетическое, по природе своей означающее 'воду'.

40) В слове шор-р дублетное р. есть или остаток элемента Д, или же удвоение первого р. Нам кажется, — первое предположение ближе к истине.

41) Но ни в коем случае нельзя сопоставлять. в проводимом направлении, со словом шар, означающим геометрическое тело.

42) Д-р Калима выводит его из финского со-хсо; со-хью. Против этого совершенно справедливо возражает проф. Ильинский „К вопросу о финских словах в русском языке“. „Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном Университете“. 34 т. 2 вып., 192, но и толкование самого проф. Ильинского „звукоподражательностью нам кажется ошибочным.

43) См. 33.

44) Мы совершенно не указываем здесь, как и в других отделах нашей работы, слова, семантически более далекие—напр. эстонские т õ õ р 'осетр'; тур (ср. тура-кала) тоже; т ю ю р тоже и др.

45) Совершенно закономерно сюда относится старое название р. Днепра—греч. Тюр-ас, турец. тур-ла, поэтому следует считать излишним предлагаемый акад. Шахматовым—„Древнейшие судьбы русского племени, П. 1919. 31, произвольно им восстанавливаемый „Местный вариант“ (?)\*) тиу-рас.

46) О природе слова см. Марр „Приволжские и соседящие с ними народности 696—8,

47) С этим словом интересно сопоставить русское вор-га (архангельское) 'залив'; (сибирское) покое, кочковатое 'болото'; (нижегородское) накипь смолы на сосне, Последнее значение слова вор-га мы подчеркиваем, так как об'яснить его из коми языка, как это дает Даль, семантически совершенно нельзя. В данном случае имеем два слова вор-га, имеющие совершенно особую историю.

---